

совсем не переводились¹. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что передовая румынская интеллигенция, то есть та публика, которая интересовалась зарубежной литературой, в частности советской, в общей массе своей владела французским языком. А так как ввоз книг из Франции в Румынию был хорошо налажен, она имела возможность читать новинки, в том числе и эренбурговские произведения, во французских переводах.

Прогрессивная общественность Румынии в межвоенный период в основном познакомилась с творчеством советского писателя-публициста через газетные комментарии и литературную критику тех лет, пристально следившую за творчеством Эренбурга и считавшую своим долгом осведомлять читателя о том, что выходило из-под его пера.

Первые отклики на произведения Эренбурга мы встречаем на страницах журнала „Korunk“ в 1926 году. Речь идет пока об упоминании его имени при перечислении художников слова Советской России². В 1928-1929 годах в том же журнале публикуются рецензии — на основании немецких переводов — на роман *Рвач* и на повесть *В Протоочном переулке*³.

Первая статья, набрасывающая в общих чертах профиль Эренбурга⁴, принадлежит перу Золтана Фабри⁵, лично знакомого и неоднократно встречавшегося с советским литератором.

В бухарестской прессе впервые на страницах „Viața Românească“ в 1930 году появляются за подписью Паула Зарифопола рецензии на очерки Эренбурга *Виза времени* и *Десять лошадиных сил*⁶. В межвоенный период самыми интересными, ценными для нас откликами на эренбурговское творчество оказались статьи С. Иосифеску *Ilya Ehrenburg și sensul literaturii noi* (Илья Эренбург и смысл новой литературы) и Георге Дину *Cartea „Ziua a doua a facerii“*, *romanul elanului noi de Ilya Ehrenburg* (Книга «День второй» — роман нового взлета Илья Эренбурга).

Каким же предстал Эренбург перед румынской общественностью на страницах румынской критики? За редкими исключениями⁷, его характери-

¹ Исключение составляют отрывок из *Мольбы о России* в переводе Хории Петре Петреску, напечатанный в „Tara Birsei“ № 3, 1935 (VII), и *Трубка коммунара* в переводе Мирона Савина, изд. „Adevărul“ Бухарест, 1930, серия „Lectura, floarea literaturilor străine“.

² Сома Браун, *Az új orosz regény* (Новый русский роман), „Korunk“ № 5, 1926.

³ Антал Янош, *Az egyén csödéje* (Крах индивидуума), „Korunk“, № 3, 1928; Дьердь Санто, *Az új szociális regény* (Новый социальный роман), „Korunk“ № 7—8, 1928; Е. В. Аз új Oroszország elbeszélő művészete (Художественная проза новой России), „Korunk“, № 2, 1929; А. Е., *A Moszkva folyó utcája* (В Протоочном переулке), „Korunk“, № 2, 1929.

⁴ Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom* (Новая явь — новая литература), „Korunk“, № 3, 1929.

⁵ Публицист, прозаик, поэт-коммунист, живший в Словакии и писавший на венгерском и словацком языках. Ответственный редактор филиала «Korunk» в Чехословакии, один из самых крупных в то время знатоков советской литературы, компетентный ее толкователь. Говоря о его критике, мы попутно освещаем и позицию словацкой левой литературной общественности по отношению к Эренбургу.

⁶ П. З. *Un rus în călătorie* (Русский в путешествии), „Viața Românească“, XXII (1930), № 1—3.

⁷ Лишь у Сэтяну мы нашли такое заявление: «Вторая группа писателей-контрреволюционеров — это покинувшие родину: И. Бунин, Данченко, Алданов, Пастернак, Эренбург и другие...» К. Сэтяну, *Ceva despre noua literatură rusă* (Что-то о новой русской литературе), „Adevărul literar și artistic“, XV, seria II, № 789, 1936.